

Russkaya Muzikal'naya Gazeta. 1915, № 44, pp. 701-702.
Русская музыкальная газета. 1915, № 44, стр. 701-702.

[...] How did the Scriabin cycle go for us? Excellently, despite the unfavourable external conditions. By the will of the military authorities, symphony concerts can only be held in theatre halls, so Mr. Koussevitzky had to move to the Nezlobin Theater. And the acoustics of this premises turned out to be very mediocre. The sound here loses its flesh, its sonority, it becomes dull and therefore loses its psychological power. The sound of the brass has especially lost its beauty. Therefore, "Ecstasy" has perhaps never sounded so dull and prosaic. However, the remarkable force of Mr. Koussevitzky's orchestra, trumpeter Tabakov, surpassed himself in this cycle, and the sound of this particular instrument easily covered the entire power of the enormous orchestra.

The performance of all Scriabin's symphonies was superb. Even earlier, we considered Mr. Koussevitzky and his orchestra the best performers of "Ecstasy," but in this cycle the other symphonies were also performed superbly. Years will pass, and perhaps we will understand that "Prometheus" can be played more plastically, but this is only a belief, not a convinced opinion... The performance of the first symphony in its choral version showed that the finale cannot be artificially dragged into the symphony. It may be, admittedly, less well composed than the other parts of the symphony, but musically it is beautiful and noble. And what also saved the day was Mr. Alchevsky's magnificent performance of the solo part.

As in Petrograd, Scriabin's piano concerto was performed by S. V. Rachmaninoff. This performance was inimitable in its purely piano qualities (although the theatre acoustics negated the beauty of Rachmaninoff's sound) and amazingly plastic, but, as I wrote above, plasticity in Scriabin is generally in a rut, giving way to psychological tension. And here the divergence of the individualities of the author and the performer manifested itself in the most fatal way. Subtle poetry, flights, etherealness and nervousness, more and above all, such is Scriabin's music; healthy masculinity, royal magnificence, the master's work—that's Rachmaninoff's execution. And overall, in my opinion, disharmony has been created. [...] Gr. Prokofiev.

[Translation: Google]

[...] Какъ же прошель у насъ скрябинскій циклъ? Превосходно, несмотря на неблагопріятныя внѣшнія условія. Волей военнаго начальства симфоническіе концерты могутъ проходить лишь въ театральныхъ залахъ, такъ что г. Кусевицкому пришлось переселиться въ театръ Незлобина. И акустика этого по-мѣщенія оказалась весьма посредственной. Звукъ теряетъ здѣсь свою плоть, звучность, онъ тупѣетъ и оттого теряетъ въ психоло-гической силѣ. Особенно потерялъ свою красоту звукъ мѣди. Поэтому «Экстазъ», быть можетъ, еще никогда не звучалъ еще такъ матово, прозаично. Впрочемъ, замѣча-тельная сила оркестра г. Кусевицкаго, трубачъ Табаковъ, въ этомъ циклѣ превзошелъ самъ себя и звукъ этого именно инструмента легко покрывалъ всю мощь огромнаго оркестра.

Исполненіе, всѣхъ симфоній Скрябина было прекраснымъ. Еще раньше мы считали г. Кусевицкаго и его оркестръ лучшими исполнителями «Экстаза», но въ этомъ циклѣ и прочія симфоніи были исполнены велико-лѣино. Пройдутъ годы и, вѣроятно, мы поймемъ, что «Прометей» можно сыграть пластичнѣе, но это лишь вѣроятіе, а не убѣжденное мнѣніе... Исполненіе первой симфоніи въ ея хоровой редакціи показало, что финаль вовсе не притянуть къ симфоніи искусственно. Онъ, правда, быть можетъ, слабѣе прочихъ частей симфоніи сработанъ, но по музыкѣ онъ красивъ и благороденъ. А тутъ еще дѣло спасало великолѣпное исполненіе сольной партіи г. Алчевскимъ.

Какъ и въ Петроградѣ, фортепіанный концертъ Скрябина исполнилъ С. В. Рахманиновъ. Исполненіе это было неподражаемымъ по чисто фортепіаннымъ достоинствамъ (хотя акустика театра сводила на нѣтъ красоту рахманиновскаго звука) и изумительно пластичнымъ, но, какъ я писалъ выше, пластика у Скрябина, вообще, въ загонѣ, уступая мѣсто напряженности психологической. И здѣсь самымъ роковымъ образомъ сказалось расхожденіе индивидуальностей автора и исполнителя. Тонкая поэзія, взлеты, эфирность и нервность больше и прежде всего-такова музыка Скрябина; здоровая мужественность, великолѣпіе царственное, эрѣлая работа мастера-таково исполненіе Рахманинова. И въ цѣломъ, по моему, создалась дисгармонія. [...]

Гр. Прокофьевъ.